

Наталья Маренина

Козявка

Часть 2

Наталья Маренина

Козявка. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21234649

ISBN 9785448323256

Аннотация

«Козявка. Часть 2» – продолжение истории о девочке по имени Козявка. Если первая часть была о жизни и смерти, то эта – о прощении и любви. После прочтения, пожалуйста, попробуйте ответить на вопрос: «А простил бы я?»

Содержание

1	5
2	10
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Козьявка
Часть 2
Наталья Маренина

© Наталья Маренина, 2016

ISBN 978-5-4483-2325-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В то утро озеро застилала плотная непрозрачная пелена тумана. Вышел мужик на рыбалку ещё засветло. Пожалуй, рыбалка – единственный его способ отвлечься от проблем на работе.

По озёрной глади периодически проплывали бестолковые полупрозрачные утки, а где-то на противоположном берегу то и дело был слышен лай полупрозрачных собак, жаждущих добраться до этих уток.

Сидел, значит, мужик на берегу с удочкой, здоровенным крючком. И вдруг подходит к нему и садится рядом девочка. Девочка ещё совсем маленькая, хмурая такая, смурная. Сапожки, плащик колокольчиком, зонтик подмышкой, колготочки. Села и смотрит на воду. Тишина. Молчание. Неловкое молчание. Наконец, девочка прерывает молчание строгим заявлением:

– Удочку дай, неумеха! – И тянет хваталку к удочке.

Пальчики растопырены, ладошка маленькая – такими руками хватаются печенки со стола.

Благодаря детскому обаянию, настойчивости и наглости девочка добивается своего, и удочка попадает в руки к девочке. И тут происходит невероятное. Девчонка лёгким движением руки замахивается, заводит удочку за спину, шлёпает ей по воде, как веслом, и... В общем, крючок разди-

рает рыбаку бровь и остаётся в ней. Тишина и покой утреннего озера нарушает монотонный, мелодичный ор рыбака. Он вскакивает на ноги, машет руками (от радости, конечно) и бросается вслед за девчонкой. Девочка явно родилась на полигоне реактивных двигателей, потому что ей удаётся 5 минут носиться и удирать от рыбака, расплёскивая его по капелькам крови, стекающим с довольно рассерженного лица.

Да. Этот рыбак – дядя Базилио. Девочка та – Козьявка. А у Базилио, как ни странно, с тех пор незаметный (ведь в этом мире даже порезы и раны – не в полную силу, а лишь в половину) шрам на брови, который совсем не виден по сравнению с другим шрамом на пол-лица, полученным ещё при жизни.

Именно так мы и познакомились: я, Козьявка, и дядя Базилио, мой новый друг.

Прошло пару дней после того случая на снежном поле с зеркалом и невидимым голосом. Всё вернулось на свои круги. И в первый же выходной дяди Базилио мы решили сходить туда, где познакомились – на озеро – на рыбалку. Дядя Базилио достал мне где-то какую-то детскую версию удочки: маленькую, зелёненькую, с пластмассовым крючком на конце. Бантика только не хватает, фу. Сидеть молча было скучно, я бегала вокруг кругами, махала удочкой, пытаюсь попасть по бабочкам, а дядя Базилио, казалось, дремал, но потом резко вставал и тащил из воды удочку с рыбкой.

Пока дядя Базилио не видел, я тихонько переключивалась рыбёшки в своё ведёрко. Такой подлости не ждал никто, поэтому моя хитропопость обнаружилась не сразу. Обнаружилась она, когда, засобиравшись домой, я не смогла поднять своё ведро, а у дяди Базилио на дне осталось только несколько рыбьих чешуек.

– Эй! Наглая! Ты крючок не намочила, хочешь сказать, это всё ты поймала?

– У меня крючок пластмассовый, я что, на него пластиковую рыбу ловить должна? И вообще, я же как будто принцесса, значит у меня как в сказке – рыбка сама в ведёрко прыгала.

– Щас ты у меня в ведёрко прыгнешь! Ша, муха, я – ди-хлофос!

Я заорала и пустилась наутёк, сразу же выронив ведро из рук. Ведро упало, рыба вывалилась и, подпрыгивая, следуя моему примеру, тоже пустилась наутёк (причём, в прямом смысле – попрыгала в воду). Базилио только улыбнулся и махнул на рыбу рукой:

– Всё равно с ней нечего делать. Есть мы её не будем, а кошку-самоубийцу ты, видимо, конфетами собралась кормить.

– Ах ты! Я ж не подумала! Скорей собирай! – Козявка кинулась к прыгающей рыбе, шаря ручонками в траве. Когда рыбу удавалось схватить, она вдруг выскальзывала и подлетала, на удивление Козявке, на метр вверх и ещё ближе к во-

де.

Пару рыбин, несмотря ни на что, всё-таки удалось взять в плен. Рыба, как и все животные, люди, растения и всё остальное, была полупрозрачная.

– Чёт я знаешь чё...? – задумалась об этом Козявка и понюхала пахнущие рыбой пальцы.

– У тебя что, перелом языка? Надо заняться твоим образованием... Ну так и «чё» я знаю? – спросил Базилио.

– Я вот тут подумала, рыба полупрозрачная.

– Ну.

– А кошка-то нет.

– Ну да, поэтому мы сразу и поняли, что она из мира живых. И что тебя в этом смущает?

– А непрозрачная кошка сможет есть полупрозрачную рыбу?

– Вот почему у тебя всегда такие сложные вопросы? Надеюсь, мы не пойдём опять в Управление узнавать ответ? – засмеялся Базилио и погладил себя по пузу.

– Давай рассуждать логичечки, – она ткнула пальчиком в переносицу, будто поправила очки. – Допустим, непрозрачная кошка – это плюс, а прозрачная рыба – минус. Плюс на минус даёт минус, значит, если кошка съест рыбу, она сама станет полупрозрачной, то есть, умрёт что ли?

– Какие-то у тебя трагические выводы, Козявка, – нахмурил брови дядя Базилио.

Козявка подошла и шлёпнула дядю Базилио по пузу, пузо

всколыхнулось, и она заржала:

– Это я так запустила в тебе процесс думания. Сейчас у тебя мысли попрут. Какие ещё предположения, коллега?

– А что если она съест рыбу и просто наестся наполовину, а не полностью?

– Тогда она лопнет.

– Почему?

– Так ей же будет казаться, что она наелась только наполовину и будет есть ещё, а тем временем, у неё уже будет полный живот. Так что она лопнет, – деловито заключила девочка и отошла. – А что если ты тоже на самом деле так много съел, что скоро лопнешь?

– Сейчас я и тебя съем! – засмеялся дядя Базилио и бросился за Козявкой с распростёртыми руками и широко открытым ртом. Девочка дала дёру. Ну, на всякий случай. Вдруг, и правда... Нет, конечно, она не пролезет.

С озера Козьявка и дядя Базилио направились напрямик к дедуле. Кошка же как-то у него жила, значит, он должен знать, как её покормить.

Дедуля очень обрадовался, увидев их, радостно приподняв одну бровь и успев сдёрнуть с забора сушившиеся панталоны.

– Опять вы что ли, молодёжь? – проворчал он и погладил седую бородёнку.

– Дед, а дед, в сто шуб одет. Мы ведь это уже проходили, помнишь? Пальцы, веер, капитуляция. А? Припоминаешь? Лучше сразу сдавайся, я настроена решительно, – Козьявка опять повисла на калитке, встав сапожками на нижнюю перекладину.

– Козьявка... – дядя Базилио опять попытался осадить пыл Козьявки.

– Да помню, помню. Заходите, сдаюсь без боя, – махнул дедуля в сторону дома.

Базилио так и открыл калитку с висящей на ней Козьявкой. Теперь она упорно не желала слазить и дрыгалась на калитке, пытаясь раскачать её, извиваясь и дёргаясь, прямо как та рыба на траве. Базилио обернулся и пару секунд наблюдал, улыбаясь:

– Как-нибудь мы сходим покачаться на качелях.

– В этом мире есть качели!? – удивилась Козявка.

– Ага. Не просто качели, а маленький парк аттракционов.

– А кому он тут нужен-то ваше?

– Вообще, а не ваше, колбаса, – поправил Базилио. – До этого был, в целом, никому не нужен. Иногда туда ходят просто гулять, но аттракционы нерабочие. Но тебе, если уж калитка подошла, то сломанные качели тем более.

– Ой, остряк-остряк. Где вас обучают такому.

– Там же, где тебя манерам, вредина. Пойдём, дед заждался уже, наверное.

– Ага, прям спит и видит, как бы мы в гости к нему пришли.

Базилио оторвал Козявку от калитки и так и занёс в дом, держа за подмышки.

Дед уже разливал горячий чай и расставлял чашки.

– Заходите, гости дорогие, – расшаркался дед.

– Вот видишь, я же говорю, спит и видит, а ты говоришь, он нас не ждёт, – деловито задрала нос Козявка. – А ваше, не печалься, старче, но мы не к тебе.

– А к кому же? – поинтересовался дедуля.

– К энциклопедии народной мудрости и древних знаний в твоём лице.

– Экак завернула, – почесал макушку дед.

– Не волнуйся, на повороте не вылечу.

Дядя Базилио потянулся за баранкой в корзинке, стоящей на столе. Внезапно ему по руке шлёпнула Козявка и зло-пре-

зло на него посмотрела, Базилио вопросительно и с обидой посмотрел в ответ:

– Ты что?

– Как ты можешь тут баранки трескать эти полупрозрачные, дохлятские, когда у нас там кошка с голоду помирает, – по-прежнему, глядя со злостью, строго ответила девочка.

– Почему сразу дохлятские? Нормальные баранки мира мёртвых. Погоди, кошка умирает? – встрепенулся дед.

– Она преувеличивает, – теперь уже с укором посмотрел Базилио на Козявку.

Та начала рассказывать проблему про непрозрачную кошку из мира живых и полупрозрачную рыбу мира спасителей.

– У вас, сударыня, что ни день, то проблема, – усмехнулся дед и поправил бороду.

– А у вас, сударь, что ни день, то всё у вас чики-пуки. Вообще не чешетесь, господа, – Козявка шлёпнула по пузу рядом сидящего дяди Базилио, потом вдруг залезла на скамейку, перегнулась через стол и дёрнула деда за бороду.

– Это что такое было, деточка? – обиженно спросил дед.

– Проверила, вдруг вы уже окочурились, дуба дали, литературно говоря.

Дядя Базилио погладил себя по пузу, как будто проверяя, всё ли цело.

– Да цел твой пузырь, не волнуйся, – заметила это Козявка.

– Грубиянка, – Базилио схватил Козявку, положил себе

на колени и стал щекотать так, что с мелкой слетели сапоги.

Когда, наконец, все немного успокоились, дед сказал:

– Вернёмся к нашим баранам...

– К кошке, склерозник, к кошке! – заволновалась Козявка.

– Выражение такое есть, – сказал дядя Базилио и прикрыл рукой козявкин рот.

– И так, позвольте всё же высказать свою мысль. Я думаю, что проверить результат пищевой цепочки кошка – полупрозрачная рыба можно только опытным путём.

– А давай мы сначала на тебе опыты проведём! – закричала Козявка, высвободив лицо из большой и тёплой руки Базилио. – Вдруг эта рыба даже в этом мире ядовитая, а мы тут кошку живую хотим ей накормить! Ты, дед, давай, не мори! Я тебе живо лапти к лыжам гвоздями прибью, будешь во все косяки дверные только попой вперёд заходить, спать в лыжах будешь!

Дядя Базилио прижал Козявку к себе и снова закрыл ей рот рукой:

– Разошлась нынче что-то, неугомонная.

– Ну так вот, о чём это я... Ну да, опытным, значит, путём.

Но если рассуждать логически...

– Оичечки, – бубнила Козявка через ладонь Базилио.

– Если рассуждать логи-че-ски, – дед посмотрел на Козявку, – то живые кошки в мире живых нормально едят мёртвую, пусть и свежую, рыбу. Если не вдаваться в подробности, рыба в этом мире тоже как бы сразу, по умолчанию, мёрт-

вая. Так? Значит, свежепойманная рыба в мире мёртвых – это свежая мёртвая рыба, и кошке она подойдёт! – дед даже с ликованием захлопал в ладошки и захихикал.

Он как будто сам не ожидал от себя такого искромётного рассуждения.

Дядя Базилио уже отпустил Козявку, и та сидела молча, обдумывая всё сказанное, потом наконец нахмурилась и не глядя сказала:

– Дедуль, а дедуль, у тебя логика чёт хромает. Давай мы ей хромоножку ампутиреуем.

Дед сразу весь обалдел, ошокировался, окрасился в серо-буро-малиновый цвет.

– Ой-ой-ой, дядя Базилио, искусственное дыхание ему срочно! – Козявка спрыгнула со скамейки и подбежала к дедуле, вглядываясь в его лицо. – Он, по-моему, не дышит.

– Подышишь тут с тобой, – грустно вздохнул Базилио и помешал ложечкой чай. – Дед, не злись, она у нас того немного.

– Сам ты того, – обиделась Козявка.

– Ну, в смысле, невоспитанная, – исправился Базилио.

– А, да, – обрадовалась девочка, – эт про меня.

Дед пришёл в себя, и с выражением учёного, сделавшего открытие, которое отказались признавать, запросил аргументированное пояснение фразы «логика хромает».

– Потому что получается, – Козявка стала расхаживать из одного конца избушки в другой, заложив руки за спину, –

что когда кошка пролезла через лазейку в этот мир, то она тоже стала, по умолчанию, как вы выразились, профессор, мёртвой. А мёртвые кошки, как мы знаем, ваабче ничегошеньки не едят. А некоторых мёртвых даже, наоборот, едят рыбы.

– Фу-у-у, мелкая, – сморщился Базилио и помахал рукой вокруг головы, как бы отгоняя этот образ от головы.

– В науке нет ничего противного, – она подняла пальчик вверх. – Что естественно, то не безобразно.

– Не всегда, – дядя Базилио поднял брови вверх. – Ты вот ведёшь себя естественно, но очень уж безобразно, – и засмеялся своим низким басом.

Козявка вдруг подбежала к нему с другой стороны стола, оперлась локотками на стол и стала смотреть на Базилио большими, чистыми глазами. Базилио, наконец, перестал смеяться и спросил:

– Что ты на меня уставилась?

– Да вот, смотрю, ты делаешь успехи в юморе. А ещё... – она вдруг засмузилась, замолчала, и отвела взгляд, – а ещё я впервые слышу, что б ты так легко и открыто смеялся.

Дядя Базилио стал снова серьёзным и тоже немного засмутился, но потом довольно усмехнулся.

Дедуле стало неловко, он немного помолчал и перевёл тему:

– Итак, вернёмся к нашим баранам.

– Опять бараны, – закатила глаза девочка. – Дедуль, у те-

бя какой-то пунктик насчёт баранов. Хочешь об этом поговорить?

– Нет, не хочу. Предлагаю всё-таки попробовать опытным путём. Кошка существо неглупое, или, по-вашему, сударыня, говоря, не дура, так что мы можем предложить ей выбор в виде рыбы на блюдечке. Если она будет есть, то ей рыба подходит. Согласитесь, она не станет есть варёный башмак или полупрозрачный воздушный шарик.

– Всё-таки, что-то у тебя с логикой.. Надо врачам показать. Ладно, согласная я. Только, чтобы она не переела, как мы предположили в нашей докторской диссертации № «не помню», мы дадим ей немного рыбы и будем давать маленькими порциями.

Дедуля вдруг вскочил и стал пожимать руки Базилио и Козявке:

– Спасибо, коллеги, спасибо, я рад, что мы пришли к разумному решению.

– Дед, – вдруг обратилась к нему Козявка, – а кем ты был в той жизни?

– Хммм. Не помню. А почему ты спрашиваешь?

– У тебя явно была какая-то профессия, связанная с наукой, бизнесом и баранами.

– Интересная мысль.

– Я поняла. Ты клонировал овечек на продажу.

– Тьфу ты, – дядя Базилио опять прикрыл рот Козявки рукой и вывел её из избушки. – До свидания, дедуль. Мы

ещё зайдём, наверняка, нам опять что-нибудь понадобится спросить. С ней ни дня покоя.

Дед тоже попрощался и помахал им на прощание рукой, выйдя на крыльцо. Когда они ушли, он всё так и стоял на крыльце, смотрел вслед и улыбался.

Когда перед кошкой поставили блюдце с двумя скользкими рыбинами, кошка не долго думая, начала чавкать. Да не просто чавкать, от удовольствия она начала как бы примурлыкивать или помяргивать.

– Дядя Базилио, как ты думаешь, она должна издавать такие звуки? – спросила я и посмотрела на дядю Базилио. – Может, у неё что-то сломалось? У тебя нет инструкции к данной модели кошек?

– Глупышка, она просто была очень голодная. – Дядя Базилио сел на свой белый диван с кружкой кофе и стал довольно наблюдать за кошкиной трапезой.

Я тоже уселась рядом, достала из кармана конфетку и протянула Базилио.

– На, ты, наверное, тоже голоден.

– Спасибо, хоть я и не голоден, ты же знаешь. – Но Базилио всё же потянулся, чтобы взять у меня конфету. А когда его пальцы коснулись конфеты, она вдруг исчезла.

– А, понятно, – спокойно сказала я, достала ещё одну конфету и съела, фантик, конечно, сунула между диванными подушками. – У тебя не установлена такая опция.

Дядя Базилио что-то пробурчал («это у тебя не установлена опция, чтобы делиться») и легко вздохнул.

– Кажется, одно дело сделано, – сказала ему я.

– Одно? У нас их несколько?

– Конечно. Мы потеряли много времени, выясняя кошачьи пристрастия. У нас есть дело поважнее.

– И какое же?

– Фокс.

– Хммм. Да, пожалуй.

– Ты ведь не забыл о нём, правда!?

– Конечно, нет, – с сомнением ответил Базилио и почесал затылок.

– Вот эпитета на тебя нет. Давай включай свой принтер, или что там у тебя. Будем смотреть, как дела у нашего Фокса.

Базилио сел перед монитором, отставил кружку с кофе, усадил меня на мягкую коленку и через какое-то меню нашёл Фокса. Увиденное удивило нас: Фокс, как ни в чём не бывало, сидел за компьютером и щёлкал мышкой. Я сердито упёрла руки в боки, но ничего не сказала. Базилио потрогал меня за локоть:

– Вот видишь, всё уже хорошо. Но... ты как будто не рада?

– Ну, не то что бы... Я просто не до конца понимаю, что происходит. Он уже отказался жить, можно сказать, наложил на себя, а эти иллюзионисты-хранители его на компьютерные игрушки что ли подсадили? Это как понимать?

– Подожди, не кипятись, давай я приближу, и мы посмотрим, что он делает.

Базилио так и сделал: он приблизил изображение, и мы смогли увидеть, что за беспорядок тут вообще происходит.

На экране замелькали какие-то синие надписи, картинки, чёрные надписи... Голова у меня пошла кругом.

– Дядя Базилио, читай.

– Он всё время переключается, но в целом можно сказать, что он ищет что-то про аварию и девочку.

– Это про меня! Он ищет про меня! – Всё внутри у меня зашекетало от волнения. А все сомнения были развеяны: ни на какие игрушки его не подсаживали, он искал информацию о моей смерти.

– Кажется, он нашёл твою фотографию с родителями с вашими именами под ней.

– Я не хочу на это смотреть, и не читай имена вслух, я не хочу знать... – мне стало горько и очень грустно. Я слезла с коленки, обошла дядю Базилио вокруг и уткнулась лицом ему в спину.

– Мне интересно другое... – слова дяди Базилио отдавались у него в спине низким гудением и вибрацией, стало щекотно.

– Что? – спросила я сквозь сопли.

– Зачем он это ищет? Ну, понятно, его случившееся ужасно мучает. Но это что, способ самобичевания такой?

– Что такое самочебевание? – спросила я.

– Самобичевания. Ну, самоистязания, наказание для себя. Зачем ему смотреть твои фото и искать про тебя информацию?

– Я не знаю, но у меня плохое предчувствие. Он собира-

ется сделать какую-то глупость?

– Не думаю... Если бы это был какой-то порыв отчаяния, он бы уже что-то сделал. А у него появился какой-то смысл в действиях. И ты знаешь, я тут заметил – цвет его имени стал другим, он стал белым.

– А что это значит? – заволновалась я.

– Как бы это сказать... Ну...

– Баранку гну! Говори, что это значит?

– Он как бы больше не наш клиент.

– В каком это смысле? – испугалась я.

– В смысле, что, кажется, он больше не одной ногой в могиле.

– Блин, ты какой-то вредный. Он двумя ногами в ней или ни одной!?

– Ни одной, глупая. У него появилась какая-то цель, и он пока не думает о смерти, или думает не так часто, не так сильно.

Я задумалась. Что происходит в твоей голове, Фокс? Что ты задумал? И самое главное, как я могу тебе помочь...

– Можно я спрошу тебя...? – дядя Базилио словно прочитал мои мысли. – Он ведь сбил тебя. Почему ты хочешь ему помочь?

– А можно я тоже спрошу тебя. Почему мы помогаем самоубийцам?

– Мы ведь уже говорили об этом, помнишь? Каждый имеет второй шанс. Мы им этот шанс даём, это наш зов – помо-

гать им.

– Тогда как быть с тем, кто не со зла, а по случайности (ведь ему не дали выбора), по какой-то роковой ошибке сбивает маленькую девочку, которая вышла на дорогу без присмотра родителей в неподобающем месте? Да, он был не прав, что скрылся с места, но... Представь себя на его месте... Он... Он... Наверное, какая-то его часть в этот момент уже умерла вместе с этой девочкой. Вместе со мной... Вот, почему я хочу ему помочь. В тот день погибла не я одна. И не я одна застряла между мирами, он оказался в двух мирах одновременно... – я заплакала.

Мне было так... Я не знаю, как называется это чувство. Наверное, это большой клубок чувств. Мне было клубок чувств. Вот так правильнее сказать.

– Не плачь, моя хорошая. – Дядя Базилио прижал меня к себе и обнял. Его большие и длинные руки так обвились, что мне показалось, будто я очутилась в большом и тёплом коконе. – То, что произошло – случайность, но то, что он ехал быстро и не был внимателен – его выбор. То, что он скрылся – тоже его выбор.

– Ты прав, дядя Базилио, – я подняла голову и посмотрела на него. Лицо его было близко, и я хорошо видела все шрамы на лице, щетину, морщины и светлые, очень добрые, но уставшие глаза. – Но люди каждый день делают что-то, что, вроде бы, никак не может привести к несчастью, но всё-таки приводит: люди давятся едой, насмерть на что-то наты-

каются, ломают шеи... Бррр, да мало ли ужасов происходит каждый день... Разве ты можешь сказать, что это их выбор? Возможно, они как-то притянули эту беду или где-то в глубине души не хотели жить, или жизнь была для них слишком тяжела... Могут быть миллионы причин. Но разве бывает так: перед тем как произойдёт несчастье, мир вдруг замирает, всё останавливается, кроме одного человека. А тот самый голос, что слышала я на снежном поле, спрашивает: «Хочешь ли ты, чтобы с тобой это произошло? Да, это решит твою проблему, но таким вот корявым способом. Хочешь?». А человек такой: «Не-а». И всё заканчивается. Мир снова оживает, а человек вдруг сбрасывает скорость, и девочка остаётся жива. Кто знает, почему это событие происходит, какие силы, какие причины... – я долго говорила и плакала, из-за чего сильно утомилась и начала засыпать.

Сквозь сон я только услышала:

– Тебе никак не может быть 3 года, ты старше даже меня, ты умнее, добрее. Как бы я хотел помочь тебе и защитить тебя, но ты как прекрасная птица, а я как маленький червяк, по сравнению с тобой. – Базилио глубоко вздохнул.

– Сам ты птиц. И червяк, – сонным голосом пробубнила я и, видимо, уснула.

Базилио так и держал Козявку прижатой к груди, сидя перед монитором, пока она спала. Он то готов был заплакать, то начинал вдруг улыбаться и сильнее прижимать к себе девочку, которая при этом побрякивала, как резиновая уточка.

Чем же заслужил такое доверие Козявки Фокс? Что она в нём разглядела? Почему она так искренне ему сочувствует, по-настоящему за него боится, и самое главное – любит его, несмотря на его поступок? Кто он?

Однажды Козявка и Базилио наблюдали за Фоксом, который шёл по улице, как обычно, мрачнее тучи. Был уже вечер, начинало темнеть, а на улицах было довольно пусто: это был летний вечер пятницы, поэтому многие разъехались на дачи, а кто-то отмечал окончание рабочей недели. Фокс еле волок ноги, шёл, словно в забытии, как лунатик. Вдруг навстречу ему попался мальчик, он был бледный, как мел, шатался и держался за руку. Фокс вообще-то не смотрел по сторонам и не смотрел на людей, не в том, наверное, он был состоянии. Но почему-то именно в этот момент он поднял глаза на мальчика и сразу понял, что с ним не всё в порядке. Фокс был врачом или кем-то вроде того. Это дядя Базилио и Козявка поняли сразу по стеллажам в квартире Фокса, заставленным медицинскими справочниками и сборниками научных трудов с замудрёнными названиями. Фокс подошёл к мальчику и спросил, что случилось. Мальчик с трудом проговорил: «Я случайно порезался». Он ещё не успел договорить, а Фокс уже вызывал скорую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.